

чувствительной души. Читатель узнает, что радовало путешественника, что огорчало. Раскрывается духовный мир: «Отчего сердце мое страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих, тогда как лучезарное солнце сияет на небе? Как изъяснить сии жестокие меланхолические припадки, в которых вся душа моя сжимается и хладеет?..» [7, с. 339]. Аналитико-публицистический пласт связан с размышлениями путешественника об истории и современности европейских социумов. Герой активный наблюдатель и участник кипящей вокруг него жизни: «В здешней маленькой республике начинаются несогласия. Странные люди! Живут в спокойствии, в довольстве и всё еще хотят чего-то» [7, с. 245], «Система Декартовых вихрей могла родиться только в голове француза, парижского жителя. Здесь все спешат куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга, ловят, хватают мысли...» [7, с. 310].

Оригинальность «Писем...» до сих пор раскрыта недостаточно. «В плане жанра «Письма русского путешественника» являют собой своеобразную комбинацию разных составляющих. Русский автор совершил... смелый новаторский рывок. Карамзин, «догоняя» европейцев, совместил в одном произведении и опору на романские традиции эпохи Просвещения, и опыт их ниспровергателя – сентименталиста Стерна. В емкой жанровой форме «Писем...» угнездились многие перспективные ростки скорого взлета национальной прозы» [2, с. 10]. Карамзин отражает тенденцию поисков новых повествовательных форм, стремится найти новые пути для развития русской прозы. Именно поэтому, «Письма русского путешественника» представляют собой новый тип произведения. Слияние предшествующей лирической традиции, и новой – эпической, является характерной чертой карамзинской прозы, и открывает большие возможности для развития русской словесности. Конечно, «примечать» и «описывать» – это требование не было до конца реализовано Карамзиным в «Письмах...», но проблема была осознана и поставлена. Дальнейшее развитие русской литературы свидетельствует о том, что найденное Карамзиным было продолжено в литературе XIX века.

Литература

1. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. – М.: Высш. шк., 2003. – 415 с.
2. Краснощекова Е.А. «Письма русского путешественника». Проблематика жанра (Н.М. Карамзин и Лоренс Стерн) // Рус. лит. 2003, № 2. с. 3–18.
3. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М., 1987. – 336 с.
4. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета. 2008, №3. с. 277–281
5. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 453 с.
6. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Сов. Россия, 1981. – 256 с.
7. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М.: Правда, 1982. – 608 с.

УДК 81'373.23:811.11

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТИЧНЫХ ОРНИТОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Н.В. Фортуна, И.М. Подгайська

Резюме. Работа посвящена сопоставительному анализу семантики приращенных смыслов у многозначных орнитонимов в английском и немецком языках. Материалом исследования является выборка из лексикографических источников, в том числе из фразеологических словарей и сборников паремий: 192 ед. в английском и 164 ед. в немецком языке. В работе использованы методы сопоставительного анализа, компонентного анализа, метод словарных дефиниций.

Полученные результаты исследования позволили выявить значимые различия в семантической структуре орнитоморфизмов в двух языках.

Ключевые слова: вторичная номинация, метафора, переносные значения, приращённые смыслы.

Работа посвящена сопоставительному исследованию семантических особенностей наименований птиц в переносном значении в английском и немецком языках, например: англ. *owl* – 1) 'глупец, чванливый дурак'; 2) 'полуночник, ночной гуляка'; нем. *die Eule* – 1) 'посмешище'; 2) 'ни то, ни сё'.

Наименования птиц, т.е. орнитонимы входят в состав зоонимов-наименований представителей животного мира в прямом значении. Анималистическая лексика (фаунизмы, анимализмы, зоосемизмы и т.п.) изучалась на материале различных языков достаточно плодотворно в разных аспектах, в том числе в переносном значении, в работах А.И. Богущкой, Л.С. Войтик, Г.С. Григорьевой, М.М. Гинатулина, Е.А. Гутман, А.А. Киприяновой, О.А. Рыжкиной, М.И. Черемисиной, И.В. Холманских и др.

Для обозначения переносных значений зоонимов употребляется термин зооморфизм. Соответственно, в нашем контексте используется термин орнитоморфизм. Частотным стал термин зоометафора, однако не совсем оправдано его синонимическое употребление термину зооморфизм, ибо имеют место не только переносные метафорические употребления, но и употребления, образованные другими способами, например, метонимия. Зоосемия понимается как «функционирующая в языках сверхобщность, объединяющая наиболее близкие родовидовые общности» [4; с. 9].

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью смысловой структуры орнитоморфизмов, с другой – отсутствием сопоставительных исследований семантических особенностей многозначных орнитонимов.

Объектом исследования являются наименования птиц в переносном значении (т.е. конкретные ЛСВ в составе полисемантических слов) и орнитоморфизмы в составе фразеологических единиц и паремий.

Предмет исследования состоит в сопоставительном анализе семантики приращенных смыслов у орнитонимов в английском и немецком языках. Согласно обозначенного предмета цель исследования заключается в выявлении общих черт и различий в оформлении переносных значений орнитонимов в двух сопоставляемых языках.

Материалом исследования являются отобранные из лексикографических источников 192 ед. в английском языке и 164 ед. в немецком языке, представляющие собой как ЛСВ в составе многозначных орнитонимов, так и единицы в составе фразеологизмов и паремий.

В работе использованы методы сопоставительного анализа, компонентного анализа, метод словарных дефиниций.

Рассматриваемая нами проблема относится к разряду сопряженных с другими проблемами вторичной номинации, изучению которых посвящены многие важные работы известных лингвистов Э.С. Азнауровой, С.А. Акоповой, Н.Д. Арутюновой, Л.В. Бабиной, Н.Н. Болдырева, Т.В. Бульгиной, Б.В. Гака и др., среди которых особо значимое место занимают работы В.Н. Телия.

Антропоцентрический принцип изучения языковых единиц, утвердившийся в лингвистике [1, с. 2], побудил многих исследователей выявлять «универсальные и этноспецифические качества человека, эксплицируемые в языке посредством языковых зооморфических метафор и символов, пословиц, поговорок и фразеологических единиц с зооморфическим компонентом [4, с. 4]. То есть, в центре внимания лингвистов оказываются преимущественно культурологические проблемы, связанные с национально-культурным своеобразием языковой личности. При этом у зоонимов активно изучается «сеть приращенных смыслов, конституирующих идеографический массив «Человек» [4, с. 9].

В пределах проблематики вторичной номинации [3] наиболее значимое место отводится вопросам о путях и способах появления переносных значений у языковых единиц, т.е. о метонимическом и метафорическом переносе значения [5].

Достаточно отчетливо охарактеризованы различия механизма возникновения метафоры и метонимии у В.Н. Телия: «Метонимия как способ развития смыслового содержания на основе смежности признаков» [6, с. 190] противопоставляется метафоре как «утверждению о свойствах объекта на основе некоторого подобия» [6, с. 190]. Несмотря на явные трудности в установлении онтологии метафоры как приёма создания новых смыслов [7], изучение метафоры постоянно осуществляется как языковедами, так и литературоведами, о чём свидетельствует множество работ исследователей на материале разных языков и литературных произведений у С.А. Акоповой, Н.А. Арутюновой, Э.Р. Атоян, Н.Д. Бессарабовой, К.М. Гюлумянц, В.И. Зиминой, Э.А. Модебадзе, Л.Б. Никитиной, Е.В. Рыжковой, А.А. Силина и др.

В понимании сути метафоры мы опираемся на чрезвычайно важные положения, высказанные В.Н. Телия о том, что «в основе языковой метафоры лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом значении» [6, с. 192].

Усматривая в качестве цели исследования, как указано выше, сопоставительный анализ приращенных смыслов у орнитонимов в близкородственных языках – английском и немецком, следует обратить внимание на возможные различные мотивы для метафорического переноса значения у наименований одинаковых птиц в двух языках. Следовательно, в нашу задачу входит обнаружение совпадающих и различающихся объективированных коннотативных мотиваций, закрепившихся в каждом из сопоставляемых языков в отношении наименований птиц.

Для решения данной задачи требуется выявление ассоциативных признаков у конкретных разновидностей птиц, атрибуция которых у возникших на их основании орнитоморфизмов позволит провести анализ приращенных смыслов.

Сопоставим смысловую структуру некоторых орнитонимов в английском и немецком языках. Например, в смысловой структуре (далее СС) полисемантического орнитонима англ. *duck* выделяются следующие лексико-семантические варианты. Во-первых, это наименование утки – птицы с определенным набором зоологических признаков, а также самки селезня (оба ЛСВ имеют прямое значение). Во-вторых, данное слово используется в значении ‘утятина, мясо утки’ (метонимия). Далее, в СС выделяется ЛСВ ‘парень, малый’, как результат метафорического переноса на основе отсутствия мотивировки для сравнения; в словосочетании *queer duck* обозначает ‘парень с причудами’. Следующий ЛСВ выделяется в словосочетании *lame duck* и означает ‘неудачник, калека, несчастный’ – это метафора, возникшая на основе сравнения с хромоющей птицей. Следующие два ЛСВ взаимосвязаны в разговорном варианте: а) ‘голубушка, голубчик, солнышко’ (употребляется в обращении на основе позитивного эмоционального восприятия приятной домашней любимицы; б) ‘душка, прелесть’ (употребляется как оценочное существительное с метафорическим переносом, аналогично предыдущему примеру: *she is a perfect duck*).

Далее, в военном жаргоне используется ЛСВ ‘грузовик-амфибия’ – это метафора на основе сравнения с водоплавающей птицей.

Кроме того, выделяется на основе идиомы *duck on the rock* ЛСВ, обозначающий детскую игру, в которой играющие целятся и сбивают камешками удаленные предметы. К данному ЛСВ примыкает выделяемый в смысловой структуре слова вариант из военного жаргона ‘новобранец, необстрелянный солдат’ (метафора, предположительно связанная с предыдущим ЛСВ), значение возникло на основе ассоциации с неудачно целящимся игроком в детской игре.

Далее, выделяется ЛСВ на основе метафорического переосмысления в идиоме *ducks and drakes* – это название детской игры, в которой играющие так кидают плоские камешки по воде, чтобы они не тонули, а прыгали (метафора, на основе сравнения с водоплавающими). Следующий вариант значения вытекает из фразеологизма *to play / make ducks and drakes*, обозначающего ‘проматывать, растранижировать, разбазаривать что-либо’, и возник он, безусловно, как метафорический перенос на основе ассоциаций с указанной детской игрой.

Кроме того, следует назвать некоторые переносные значения данного слова в составе других фразеологизмов, например:

– *like a duck to water* – ‘как рыба в воде’ (метафора на основе сравнения с любящей воду птицей); *fine weather for young ducks* – ‘дождливая погода’ (переосмысление на основе признаков поведения данной разновидности птиц); *like a duck in a thunder-storm* – ‘как человек с перепуганным лицом’ (метафора на основе сходства поведения человека и птицы); *in two shakes of a duck's tail* – ‘в мгновение ока, очень быстро’ (метафора на основе сравнения по форме утиного тела); *duck soup* – ‘легкое дело’ (метафора на основе сходства с несложным процессом приготовления утиного бульона).

В смысловой структуре полисемантического орнитонима *Ente* в немецком языке выделяются следующие лексико-семантические варианты: первый, второй и третий ЛСВ полностью совпадают с английским языком, так как это значения ‘утка’, ‘самка селезня’, ‘утиное мясо’. Далее следует ЛСВ в идиоме *eine lahme Ente*, который обозначает, кроме совпадающего с английским вариантом ‘хромающий человек’, также ‘подбитый корабль’ (обе метафоры возникли на основе сходства с поврежденной водоплавающей птицей). Далее в СС *Ente* выделяется ЛСВ ‘«утка» в газете’ – ‘вымышленная история’, так выражение *die Ente ist geplatzt* – метафора на основе сравнения с надувной детской игрушкой. Следующий ЛСВ со значением ‘сосуд в медицине’ – метафора на основе ассоциации с уткой часто окунаемого в воду предмета. Далее следует ЛСВ в идиоме *wie bleierne Ente schwimmen* – ‘плавать, как топор’, потому что предмет из свинца тонет (метафора на основе сходства признаков). Указанный последним в СС лексико-семантический вариант *kalte Ente* (холодный крышон) – вероятно, случай ‘народной этимологии’, когда вместо *Ende* стало звучать *Ente*, не имеет отношения к орнитоморфизмам.

Как следует из сопоставления лексико-семантических вариантов многозначного орнитонима ‘утка’ в английском и немецком языках, набор приращенных смыслов у данного орнитоморфизма в английском языке значительно шире, что, безусловно, связано со спецификой употребления данного слова в соответствии со сложившейся традицией в быту и в социальной сфере носителей английского языка.

Рассмотрим следующую пару примеров с многозначными орнитонимами, называемыми в прямом значении одинаковую птицу в английском и немецком языке. Например, в смысловой структуре англ. *cuckoo* выделяются следующие ЛСВ: наименование кукушки – птицы с определенными признаками (прямое значение); далее следуют два переносных значения, реализуемые в разговорном языке; ‘глупец, разиня’ – метафорический перенос на основе ассоциации с тем, что эта птица растеряла яйца в чужом гнезде; амер. ‘сумасшедший’ – метафора на основе признака ‘сам не знает, зачем повторяет одно и то же’.

В смысловой структуре нем. *Kuckuck*, помимо прямого значения, выделяются несовпадающие с английским языком переносные значения, свойственные разговорному языку:

4) ‘нечистая сила’ (синоним *der Teufel*): *der Kuckuck hat es gesehen* – ‘это чертовщина’; *j-n zum Kuckuck jagen* – ‘прогнать к лешему’;

5) пренебрежительное наименование печати с изображением орла – метафора на основе ассоциации с внешним видом птицы: *auf etwas klebt der Kuckuck* ‘опечатано’;

6) ‘походная кухня’ – метафора на основе ассоциации с громко кричащим человеком, подзывающим на обед солдат из окопов.

В целом в ходе сопоставительного анализа смысловой структуры полисемантических орнитонимов английского и немецкого языков выявлено значительное расхождение в распределении приращенных смыслов. Для орнитоморфизмов в английском языке свойственно наличие от двух до пяти переносных значений, в то время как в немецком языке у соответствующих лексических единиц один-два лексико-семантических варианта.

Значительно различается семантический диапазон переносных значений в пользу английского языка у таких орнитоморфизмов, как англ. *pelican* – нем. *Pelikan* (пеликан); англ. *penguin* – нем. *Pinguin* (пингвин); англ. *jackdaw* – нем. *die Dohle* (галка); англ. *magpie* – нем. *die Elster* (сорока).

При этом обращает на себя внимание в английском языке более активное проявление антропоцентрической направленности переносных (метафорических) значений в сопоставляемых парах слов.

В английском языке *crow* (ворона) имеет несколько переносных значений: а) амер. презр. ‘негр’; б) жарг. ‘вор на стреме’; в) в идиоме *white crow* – ‘отличающийся от всех человек’ (в немецком языке в этом значении употребляется орнитоморфизм *der Rabe* (ворон).

В немецком языке *die Krähe* (ворона) употребляется в единственном переносном значении 'те, кто заодно' в пословице *Eine Krähe hackt der anderen die Augen nicht*, которое полностью совпадает с английским вариантом в пословице *Crow will not pick out crow's eyes*. Сопоставление следующих пар орнитоморфизмов в двух языках однозначно подтверждает обозначенную тенденцию: англ. *capon* (капун) имеет пренебрежительное значение 'трус', 'баба'; нем. *der Kapoun, Kapphahn* (капун) – нет переносного значения; англ. *woodpecker* (дятел) – переносное значение 'неопытный лесоруб', нем. *der Specht* – не имеет переносного значения; англ. *tit* (синица) – переносное значение груб. 'девка', нем. *die Meise* – нет переносного значения; англ. *quail* (перепелка, куропатка) – два устаревших переносных значения: а) амер. 'студентка', б) амер. 'старая дева', нем. *das Rebhuhn* – не имеет переносного значения; англ. *eagle* (орел) – наряду с другими переносными значениями, не обозначающими человека, используется в военном жаргоне 'курсант летной школы', нем. *der Adler* (орел) – не имеет переносного значения; англ. *pigeon* (голубь) – переносное значение 'простак', 'неудачливый человек', нем. *die Taube* (голубь) – в переносном значении не обозначает человека.

Для некоторых наименований птиц в английском и немецком языках характерны совпадения в смысловой структуре в отношении приращенных смыслов или же различия носят незначительный характер, например: англ. *peacock* (павлин) и нем. *der Pfau* (павлин) имеют соответствие на уровне фразеологических единиц: *proud as a peacock* и *ein stolzer Pfau* обозначают 'горделивый, спесивый, как павлин'; англ. *goose* (гусь) и нем. *die Gans* (гусь) совпадают в переносном значении 'глупец, дурак, простофиля'.

В то же время в немецком языке обнаруживаются орнитоморфизмы, не типичные для соответствующих примеров в английском языке, например: *der Gimpel* (снегирь) – переносное значение 'простофиля' (фразеологизм *Gimpel fangen* обозначает 'ловить дураков'); англ. *bullfinch* (снегирь) – не имеет переносного значения; нем. *der Spatz / der Sperling* (воробей) имеет несколько переносных значений во фразеологизмах: а) *ein frecher Spatz* – 'дерзкая девчонка'; б) *er hat Spatzen unter dem Hut* – 'он не вежливый человек, не приветствует других'; в) *essen wie ein Spatz* – 'мало кушать' (о человеке); англ. *sparrow* (воробей) – не употребляется в переносном смысле; нем. *der Zeisig* (чиж) во фразеологизме *ein lockerer Zeisig* обозначает 'ветреный человек'; англ. *swift* (чиж) – не имеет переносного значения.

Таким образом, сопоставительный анализ приращенных смыслов у соотносимых наименований птиц в английском и немецком языках показывает интересную и перспективную плоскость изучения орнитонимов. В ходе дальнейшего изучения затронутых в статье проблем, представляется возможным на основе исследования эмпирического материала по одноязычным (толковым), двуязычным, фразеологическим словарям, сборникам идиом и паремий получить интересные результаты, в том числе в отношении сравнительного анализа семантики орнитоморфизмов в других языках (украинском, русском, греческом).

Литература

1. Акопова С.Л. Отпредметные наименования человека//Русский язык в школе. –1986. – №6. – с.83–86.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – с. 37 – 67.
3. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филол. науки. – 2001. – №4. – с. 79 – 86.
4. Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов. – АКД. – Краснодар. – 1999. –23 с.
5. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. – М. : Языки словенской культуры. – 2004. – с. 187 – 193.
6. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Наука. – 1977. – с. 129 – 121.
7. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филол. науки. – 2001. – №1. – с. 82 – 90.

УДК 394.94

ПОСТАТЬ СТАРЦЯ ТА РОЛЬ СТАРЦІВСТВА В УКРАЇНСЬКІЙ КУЛЬТУРІ НА МЕЖІ XIX – XX СТОЛІТЬ

В.С. Хітєєва, П.Т. Тимофєєв

Резюме. Дана робота присвячена феномену старцївства, як основоположному і нічим не замінному, з огляду на національно-культурну свідомість українського народу, феномену. Дослідження проведено за допомогою описового та порівняльного методу; та шляхом визначення в термінології, як то: «старець», «дід», «братство», «цех». Ці спостереження є лише підступами до розгортання такої широкої теми, як інститут старцївства в українській культурі.

Ключові слова: старцївство, братство, виконання, світосприйняття

Старцївство. Український культурний простір дуже складно собі уявити без цієї специфічної фольклорної сфери, своєрідного національного феномену морально-етичних норм буття українського народу.